

ХОЗЯЙКА СТАРЫХ КЛЮЧЕЙ

Андрей Кобелев

18+

Андрей Кобелев

Хозяйка Старых Ключей. Том 1

«Автор»

2026

Кобелев А. А.

Хозяйка Старых Ключей. Том 1 / А. А. Кобелев — «Автор»,
2026

Что может быть страшнее потери любимого человека? Наверное, когда ты чувствуешь свою вину за случившееся... Олеся, отправляется на поиски брата, единственного близкого ей человека. Но она и представить не может, в какие глубины хтонического мрака ей придётся погрузиться. Помогать ей будут двое. Экстрасенсы Матвей и Руслан, случайно оказавшиеся в том же месте, в то же время. Случайно ли? Это будет сражение за души. Смогут ли герои противостоять древней сущности? Какие жертвы им придётся принести... «Хозяйка Старых Ключей» — первый том мистического романа о любви, вине, исчезновениях и древнем зле, которому слишком долго позволяли жить рядом с людьми. От автора: Это первый роман из длинной серии. Это моя попытка в готический ужас, но в современных реалиях. Хочу пробудить те ощущения, что возникали у меня при первом прочтении мастеров weird fiction, таких как Лиготти, Мейчен, Блэквуд, ранний Кинг, и всё это с лёгким налётом Лавкрафта.

© Кобелев А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Олеся	5
Олеся	8
Никита	11
Матвей	14
Олеся	19
Матвей и Руслан	21
Лёшка и Димка	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Андрей Кобелев

Хозяйка Старых Ключей. Том 1

Олеся

Выход в реальность был не мгновенным. Сон отпускает неохотно. Мысли липнут. Вязнут. Оседают...

В какой-то момент голова чуть яснее обозначила одну мысль.

Зачем я проснулась? Который час?

Телефон охотно высветил «02:16».

Рань. В туалет не хочется. При такой жаре всё через кожу выходит.

В комнате не духота. Пекло.

Воздух стоял плотной, влажной массой, как за минуту до майской грозы. Казалось, им можно было мазать стены — липко, тяжело.

Стояла одна из тех ночей, когда небо уже пресытилось влагой, но спасительный дождь всё никак не прорвётся. Всё зависло в ожидании: облака, жара, город, мысли.

Олеся лежала на боку, прижимаясь щекой к влажной наволочке, и чувствовала, как любимая старая футболка противно липнет к лопаткам, а мокрые концы волос облепили шею.

Дышать приходилось коротко: глубокий вдох лишь усугублял попытку протолкнуть в лёгкие порцию тяжёлого, спёртого тепла. Грудь сжималась от него, как от плотно затянутого ремня.

Она лежала с закрытыми глазами и не могла понять: то ли она уже проснулась, то ли ещё не засыпала как следует. Мысли ходили по кругу, вязкие, как патока.

Было тихо, когда звук с улицы разорвал эту липкую полудрёму. Громкий, лязгающий, чужой. Звук плохо закрывающейся двери старого ржавого корыта. Когда нужно не просто подтолкнуть дверь, а приложить заметное усилие.

Ещё раз. Ещё. Силёнок маловато? Пни уже ногой.

И тут новый звук.

Олеся вздрогнула всем телом. Сухой. Нервный скрежет металла о металл. Будто изношенные шестерни коробки передач пытались пережевать, перекусить что-то твёрдое, чужеродное. Скрежет был не просто громким — в нём было что-то неправильное, надорванное. Он пробрался в голову и застрял где-то в основании шеи.

Она почти физически ощутила эту боль машины — тупую, глухую, отдающую в кости.

Веки казались налитыми свинцом. Ресницы склеились, словно после долгой лихорадки.

Сквозь щель в неплотно задёрнутых шторах на пол падала одинокая полоса тусклого уличного света. Она прорезала тьму, выхватывая небольшое пятно потёртого линолеума, но почти ничего не освещала вокруг. Жёлтая, мутная черта на чёрном фоне. Почти как восклицательный знак, поставленный не к месту. Но внутри у девушки созрел скорее вопрос.

— Зачем так издеваться над бедняжкой? — пробормотала она пересохшими губами. Язык прилип к нёбу. — Ещё и полдома перебудил. Гад.

От собственного голоса в душной комнате стало будто теснее. Звук не разошёлся, а словно тут же утонул в горячем воздухе.

Со стоном она приподнялась на локте, заставила себя сесть. Простыня отлипла от спины с предательским, влажным шорохом. Пол оказался таким же тёплым, как и воздух в спальне. Ноги будто ступили на подогретую плитку.

Олеся прошлёпала босиком к окну, чувствуя, как влажные пятки с тихим чмоканьем отлипают от старого линолеума. Линолеум был в сетке микротрещин и помнил её ещё совсем девочкой. Сразу после детдома она въехала сюда. И пустила корни.

Отодвинув край шторы, она прижалась лбом к стеклу. Прикосновение к оконному стеклу оказалось первым приятным ощущением с момента пробуждения. У самой рамы внутри двойного стеклопакета собралась чуть влажная плёнка конденсата.

Во дворе было темно в тех участках, куда не добивали фонари. Редкие, уставшие, они расплёскивали вокруг себя грустные круги света. Прямо под одним из них стояла машина.

Старая. Вся в пыли и разводах грязи, будто её годами не мыли, а просто возили по ней грязной тряпкой, всё больше втирая грязь в металл, как лечебную мазь от ржавчины. Грязь легла на неё как вторая кожа.

Даже с такого расстояния, а Олеся жила на четвёртом этаже, метрах в пятидесяти от машины легко угадывался контур легендарной «буханки». УАЗ. Бежевая, с едва живыми фарами. Наверняка тоже из-за слоя грязи.

Под капотом ещё дрожало эхо недавней попытки завестись. Олеся на секунду задержала дыхание, прислушалась.

Кх-кх-кх.

Снова этот хриплый, стариковский кашель. Сухой, надрывный треск изношенной коробки передач, дёргающийся рывками, будто кто-то пытался силой вклинить не ту передачу. Звук был настолько неприятным, что от него хотелось закрыться руками, как от режущего глаза свет. Он царапал по нервам — резкий, упорный, злой.

Машина дёрнулась, чуть повела кузовом вперёд-назад и снова замерла.

В салоне было темно, если не считать маленький огонёк, мелькающий по стеклу как испуганный светлячок. Водитель явно курил. Огонёк то вспыхивал ярче, когда он затягивался, то гас, ускользая в темноту. В эти короткие мгновения оранжевый свет рельефно выхватывал у него часть лица, но было слишком далеко, чтобы рассмотреть детали. Было видно лишь резкие, нетерпеливые движения рук, размахивающих в тесном пространстве кабины, да удары кулаком по рулю.

Фантазия Олеся мигом дорисовала картинку: худой, угрюмый, небритый, с всклокоченными волосами. Обязательно с сальными прядями на лбу.

Пусть будет такой. Неприятный. Как персонаж из детских мультиков, которые издеваются над бедными животными. Злодей, одним словом.

Где-то в груди, под солнечным сплетением, странно шевельнулось, когда коробка снова завывала:

Кх-кх-кх-кх!

На этот раз звук получился особенно нервным — будто железо скрипело зубами. Машина дёрнулась на месте ещё резче, но так и не завелась. В ночной тишине улицы этот кашель звучал особенно громко, чужеродно.

Олеся поёжилась, хотя в комнате было невыносимо жарко.

— Ну что ж ты, а, — пробормотала она почти сердито, глядя на издыхающий под фонарём автомобиль. — Какого хрена ты не ремонтируешься, а? Ты же всю улицу перебудишь. Смотреть противно. Да и машинку жалко. Сам не заботишься — отдай в хорошие руки. Или на покой отправь. Бедняжка явно это заслужила.

Собственное ворчание успокаивало.

Наконец, что-то щёлкнуло. Машина затихла.

Олеся ещё немного постояла у окна, глядя на этот обшарпанный раритет, который только что бился в судорогах.

Тяжёлая, ватная тишина снова медленно забила в уши, занимая своё положенное место. В какой-то момент Олеся поймала себя на мысли, что вслушивается в молчание. Не скрипнет

ли ещё раз эта кучка старого металла внизу. Это дурацкое, необъяснимое желание — услышать скорее ещё раз раздражающий фактор, чтобы точно убедиться, что всё закончилось, чем попытаться расслабиться и быть опять разбуженным. Нужна точка, финал. Подтверждение.

Но ничего. Двор застыл, как картинка.

Олеся постояла ещё секунд десять, пока глаза бесполезно пытались привыкнуть к темноте, и побрела на кухню.

Не включая свет, нащупала на столе знакомым движением ручку старого чайника. Металл был чуть тёплым. Она налила в кружку воды, отхлебнула стоя прямо у раковины, сосредоточившись только на глотках.

Вода была тёплой, отдавала старыми трубами и хлоркой. Хлорка слегка драла пересохшую глотку. Влага так и не принесла облегчения. Тяжесть в груди никуда не делась.

Возвращаясь в спальню, она по привычке остановилась у соседней двери. Приоткрыла её — петли издали тихий, знакомый скрип, который Олеся уже давно не замечала. Скрип был частью квартиры, как трещина в потолке или скол на кафеле.

В комнате брата было темно, лишь окно с лёгкими шторами обрисовывало на кровати крупный, скомканный под одеялом силуэт. Свет с улицы делал по краям этого силуэта мягкое, расплывчатое свечение.

— Как ты можешь так спать... — еле слышно выдохнула она скорее с нежностью, чем с раздражением. — Под тобой же, наверное, уже лужа пота. Фу. Балбес.

Он часто так спал. Даже зимой. С головой под одеялом, как будто мир можно было выключить, просто натянув на себя плотную ткань. Она не понимала, как можно дышать в таком коконе, но для него это было нормально. Свой странный, упрямый способ укрыться от всего.

Иногда, когда было особенно плохо — когда не хотелось вспоминать детдом, или тех, кто не захотел их забрать, — вечером он так же залезал под одеяло, а она садилась рядом и слушала его дыхание. Ровное, тихое, раздражающе спокойное. Почему-то это успокаивало её саму.

Сейчас из-за периодически чихающей и рычащей машины на улице она ничего не смогла услышать из комнаты. Тот самый скрежещущий кашель, где-то там, за стенами, вернулся, пока она была на кухне.

Но будить его она не хотела. Его тело — его дело. Не маленький уже. Уже пятнадцать как-никак. Сам разберётся, холодно ему или жарко.

Она тихо потянула дверь на себя. Скрип снова мягко прошёлся по нервам, но уже привычно, почти ласково.

Спать. Надо просто пойти и доспать эту ночь. Добить её до утра.

Она вернулась в спальню, легла на бок, уткнулась щекой во влажную подушку. С первого же касания наволочки к коже стало понятно: прохладней не стало ни на градус. Но голова всё равно охотно провалилась в эту липкую яму.

Глаза слипались, веки тяжелели, и уже на самом краю сна, — почти там, где начинаются тягучие, тёплые обрывки несостоявшихся снов, — звук с улицы слегка поменялся.

Рычание. Низкое, злое, корявое, как будто изношенное железо наконец-то поддалось и с трудом встало на ход. И знакомый трескучий скрежет. Сухой, рваный, с характерным металлическим хрустом, будто железное горло забилося песком.

Олеся вздрогнула, всё ещё не открывая глаз. Это опять её. Та же самая коробка, тот же кашель. Но сон уже схватил её, потянул вниз, в свои тёплые, тяжёлые слои, как густое болото.

Рычание послушно начало удаляться. Вязкий гул мотора постепенно таял, растворяясь в ночи. Скрежет коробки ещё пару раз дёрнулся, где-то в глубине квартала — и стих.

«Ну наконец-то... Вали уже», — успела подумать она.

Олеся выдохнула — кажется, уже во сне — и провалилась окончательно.

Олеся

Утро наступило не просто рано — оно вломилось в комнату без стука, грубо разорвав тяжёлый, вязкий, как болотная жижа, сон.

Олеся открыла глаза и тут же со злым шипением зажмурилась, до скрипа стиснув зубы. Прямой солнечный свет бил сквозь щель в шторах с безжалостностью допросного прожектора.

Ночью не задёрнула эту чёртову штору до конца. Дура.

Голова гудела с недосыпа, тело казалось чужим и неповоротливым. Любое движение давалось через усилие.

Но утренний ритуал был выверен годами и отточен до автоматизма — идеальный способ не включать мозг раньше времени.

Турка. Спичка. Голубой венчик газа. Глухой звон ложки о стенки.

Кофе нужен был чёрный, злой, оставляющий на дне кружки густой, как мазут, осадок. Чай со своими мягкими травяными нежностями казался ей утренней насмешкой. Утром ей был нужен удар по нервной системе, как пощёчина.

Сняв турку с огня, она плеснула в чёрную жижу холодного молока из пакета. Примерно столько же, сколько было и самого кофе. Лёгкий пар поднялся над кружкой, пахнул горечью и чем-то обнадёживающим.

Она стояла у распахнутого настежь окна на кухне. Пила кофе. Смотрела во двор.

Хороший, солнечный денёк намечался. Ночью видимо всё же срывался дождик. Кое-где виднелись тёмные пятна. Луж не было, но намёки на воду остались.

Под окнами дремали машины, рыжая кошка на лавочке, поджав лапы. Где-то хлопнула чужая дверь, кто-то спустился по лестнице, громко стуча каблуками. Обычный, до зевоты банальный день.

Впрочем, в картине мира Олеси «обычный» никогда не значило «плохой». Отсутствие дурных новостей — это уже хороший день. День, который можно прожить как есть, без драм и сюрпризов.

Она допила кофе в несколько крупных глотков. Горячая жидкость обожгла язык, но в голове стало немного яснее. Тяжесть в груди чуть отступила, превратившись в терпимый, знакомый фон.

Кружка с обиженным звоном ударилась о раковину. Металл звякнул, как маленький колокол. Олеся даже этот звук знала наизусть и была к нему готова.

— Так, герой, подъём, — пробормотала она себе под нос на автомате, ещё до того, как вышла из кухни. Это тоже был ритуал: сначала проговорить, потом зайти.

Она пошла будить брата.

— Эй! Соня, — громко, с привычной наигранной бодростью бросила она, толкая дверь его комнаты плечом. — Школу проспипшь. Давай, новый день ждёт великих свершений.

Ответа не последовало. Только пылинки лениво танцевали в столбах света, падающих по краям шторы, и жужжал на кухне старый холодильник.

Олеся шагнула внутрь, подошла к кровати и привычным, размашистым движением откинула край одеяла. Ожидая увидеть под ним его смешно торчащий локоть или привычно сжатую в кулак руку у лица.

Под тканью никого не было.

Там лежал скомканный ворох одежды. Джинсы, затасканное до катышков серое худы, пара свёрнутых футболок — всё было составлено в продолговатую кучу. Так, чтобы в темноте или при беглом взгляде с порога казаться спящим, подвернувшим под себя колени, телом.

Вчера ночью, в полутьме, именно так это и выглядело.

Тишина в комнате как будто мгновенно поменяла свой состав. Стала тяжёлой, ватной. Воздух сгустился до состояния киселя.

Олеся смотрела на этот жалкий, пустой панцирь из старых вещей, и её взгляд скользил по ним, не находя за что зацепиться. Кучка одежды. Ничего больше. Но вчера здесь был он. Должен был быть.

В голове вдруг сделалось пронзительно, звеняще пусто. Мысли обрезало, как ножницами. Лишь где-то глубоко, под самыми рёбрами, гулко и одиноко ударило сердце — один раз, громко, больно.

Потом ещё.

Она резко развернулась. Босые ноги зашлёпали по коридору.

Ванная — нараспашку. Сухие полотенца ровно висят на своих местах. Коврик у ванны сухой. Запаха зубной пасты и мыла нет. Никаких свежих, следов или разводов.

Туалет открыт. Всё так же, как всегда. Щётка стоит в стакане под тем же углом. Крышка опущена. Ничего, за что можно зацепиться.

Прихожая...

В углу на коврике валялись его любимые, убитые в хлам кроссовки, от которых всегда несло болотной сыростью. Эти кроссовки он таскал даже зимой, пока она не запрещала. Они были здесь. Там, где и должны были быть.

А осенние высокие кеды?

Олеся упала на колени, шаря руками под банкеткой. Пыль ударила в нос. Кед не было. Ни на полке, ни под вешалкой, ни в привычном хаосе его вещей.

Совсем.

Она рывком поднялась, бросилась в свою комнату. Телефон. Экран никак не хотел попадаться под пальцы. Трясущимися руками она всё-таки схватила его, вбила знакомый номер почти на автомате.

Звуки вокруг стали тихими, ватными, как под водой. Она прошла обратно в комнату брата на негнущихся ногах.

Три долгих секунды тишины — глухой, пустой. Затем в ухо ударил мёртвый, пластиковый голос оператора:

«Абонент временно недоступен...»

— Чёрт, — выдохнула она, и это слово не имело ни силы, ни смысла.

Взгляд заметался по комнате, как бешеная муха. Наткнулся на стол.

Там тускло поблёскивал пластиком полуоткрытый ноутбук. Крышка чуть приподнята, в зазоре виднелось слабое, еле уловимое свечение. Маленькая полоска искусственного света в этой уже чужой комнате.

Олеся потянулась к нему. Пальцы дрожали так, что на секунду крышка чуть не выскользнула. Она откинула её вверх.

Экран тут же вспыхнул холодным, резким светом, больно ударив по глазам. Гулко загудел кулер. По центру рабочего стола висел белый квадрат открытого «Блокнота».

Там, чёрным по белому, крупным, жирным шрифтом было набрано:

«Прости. Люблю. Должен идти».

Всего три фразы. Три коротких удара.

Воздух в комнате закончился. Он будто вышел через щели в окне, просочился в подъезд, растворился в солнечном дворе.

Олеся сделала короткий, судорожный вдох, но лёгкие словно склеились изнутри. Грудь проггло. Какая-то глупая шутка? Дурацкий квест? Он никогда бы не оставил такой стерильный, книжный текст на экране.

Не его это слова. Не его тон.

Он писал иначе. Писал: «сорри», «скоро вернусь», «донт ворри». Мог оставить на столе записку на клочке тетрадки, с какими-то стрелочками и рожицами. Но вот так — ровно, официально, с точками в конце... Нет.

Найду — прибью мелкого. Разыгрывать меня удумал.

Мысль вспыхнула автоматически, по старой схеме. Но за ней не пришла привычная волна раздражения. Вместо этого что-то тяжёлое и холодное медленно поднялось из глубины и встало за спиной, положив ледяную ладонь на затылок.

Она дико оглянулась на дверцу шкафа, словно ожидая, что Никита сейчас с хохотом вывалится оттуда, довольный своей идиотской шуткой. Или вынырнет из-под кровати, застряв башкой в пыли. Или выскочит из коридора с телефоном наперевес, снимая её реакцию.

Но квартира за её спиной молчала с глухим, гробовым равнодушием бетонной коробки. Никаких смешков, никаких торопливых шагов, никаких «да расслабься ты, дурёха...»

Квартира была пуста, и чутьё кричало ей об этом во весь голос. Всё, что жило в этих стенах, кроме неё, — исчезло.

Лицо обдало жаром, словно она заглянула в открытую духовку. Одновременно кожу на затылке и по спине закололо тысячей мелких раскалённых игл. Ноги стали ватными.

Пиксели на мониторе, казалось, начали расплываться. Белое поле текста слегка двинулось, словно поплыло.

Это не сон.

Эта мысль была простой, как удар. Это происходит наяву.

Олеся медленно, на совершенно деревянных ногах отступила на шаг назад. Колени подогнулись, и она тяжело осела на кровати, прямо на одежде, изображавшей всю ночь её любимого, единственного брата. Ткань под ней жалобно прошуршала.

Она смотрела на слепящий квадрат экрана, на эти три чужие предложения, и дышала всё чаще и чаще — короткими, рваными рывками, пытаясь протолкнуть воздух сквозь вставший в горле ком.

А по краям зрения уже начали неотвратимо расплзаться жирные чёрные пятна, как чернила по мокрой бумаге. Комната сужалась, как воронка, сливаясь в одну точку — белый квадрат на экране ноутбука.

Прости. Люблю. Должен идти.

Буквы чуть дрогнули. Всё окружающее начало рушиться.

Никита

Никита проснулся сразу.

Не постепенно, не с той обычной утренней путаницей, когда ещё можно лежать с закрытыми глазами и пытаться вспомнить, что снилось. Глаза открылись сами. Сердце ударило где-то высоко, почти в горле. Он резко сел на кровати, сминая под собой одеяло.

Комната была чужая.

Большая. Светлая — в окно лезло серое утро, ещё не солнце, а только его обещание. На стенах висели выцветшие обои с мелкими бледными цветами. У дальней стены стоял старый полированный шкаф, широкий, тёмный, с мутным зеркалом на дверце. Рядом — комод. На комодe фарфоровая ваза без цветов, стопка книг, маленькая настольная лампа с зелёным абажуром.

У окна стоял письменный стол.

На нём — ровная стопка чистой бумаги, стакан с карандашами, закрытая чернильница. Ни одной случайно брошенной вещи. Но всё покрыто тонким слоем пыли, которую было видно даже отсюда.

Комната не была бедной. Но и уютной её назвать не получалось. Здесь всё выглядело так, будто хозяин знал цену вещам, но не видел смысла их любить.

Мальчик медленно опустил ноги на пол.

Подошвы коснулись холодных досок.

Он был в той же футболке, в которой лёг спать. В носках. Один носок сполз с пятки, и почему-то именно это показалось самым неправильным. Дома он всегда снимал носки перед сном. Всегда. Олеся ворчала, что он разбрасывает их где попало, а он отвечал, что это не разбрасывание, а свободное размещение предметов в пространстве.

Мысль мелькнула — и тут же оборвалась.

Дома.

Он. Ложился. Дома.

В своей комнате. На своей кровати. За стеной спала Олеся. На столе остался любимый ноутбук, со свёрнутой игрой, которую он собирался доиграть утром. За окном гудели редкие ночные машины. Было жарко. Душно. Он долго ворочался, потом вроде бы уснул.

А теперь...

— Олеся? — тихо позвал он.

Голос прозвучал не так, как должен был. Слишком тонко. Слишком далеко.

Никто не ответил.

Он сглотнул.

— Олеся?

Тишина.

Дом стоял неподвижно. Не скрипел, не дышал трубами, не гудел холодильником. Даже за окном не было слышно ни машин, ни людей, ни собак. Только где-то внизу, за стеной, ровно и настойчиво капала вода.

Кап. Кап. Кап.

Мальчик встал. Хотел подойти к двери, но из коридора донёсся звук.

Шаг. Потом ещё один.

Деревянная лестница негромко, с натужным скрипом принимала чей-то вес. Шаги шли снизу. Медленно. Без спешки. Человек поднимался так, будто делал это много лет подряд и точно знал, какая ступень прогнётся под ногой, какая отзовется сухим треском, а какая промолчит.

Мальчик попятился. Упёрся коленями в кровать. Шаги становились ближе.

Тяжёлые. Уверенные.

Не старческие — нет. Просто человек был крупный. Грузный. От его движения лестница жаловалась коротко, обречённо, но он не обращал на это внимания.

На пороге появилась тень. Потом — мужчина.

Он был высоким, широким в плечах, с тяжёлой шеей и коротко стриженными волосами, в которых уже пробилась седина. На нём были простые тёмные брюки, чистая рубашка с закатанными рукавами и старый, но аккуратный жилет. В одной руке он держал металлический поднос.

На подносе стояла тарелка с едой.

Несколько кусков хлеба. Варёное яйцо. Что-то похожее на картошку. Кружка с водой.

Мужчина вошёл в комнату. Даже не посмотрел на мальчика. Он прошёл к столу, поставил поднос. Металл тихо звякнул о дерево. Потом поправил кружку, чтобы та стояла ровно по краю стола, и разгладил ладонью салфетку под хлебом.

Мальчик вжался в изголовье кровати.

Ему хотелось спрятаться. Под одеяло, за шкаф, куда угодно. Но тело не слушалось. Он мог только смотреть, как мужчина двигается по комнате — спокойно, буднично, будто пришёл не к незнакомому ребёнку, а в пустую спальню поставить завтрак.

— Где я? — спросил мальчик.

Мужчина не ответил.

Он наклонился к комоду, проверил что-то взглядом. Ровно ли стоит ваза. Закрыта ли дверца. Потом повернулся к выходу.

— Эй, — голос сорвался. — Вы кто?

Мужчина остановился.

Не сразу. Сделал ещё полшага — и только потом замер в дверном проёме.

Мальчик задержал дыхание.

Сейчас он обернётся. Сейчас скажет, что это ошибка. Что Олеся внизу. Что его привезли не туда. Что всё можно объяснить.

Мужчина действительно чуть повернул голову.

Но посмотрел не на него.

На окно.

— Поешь, — сказал он наконец.

Голос оказался негромким. Ровным. Уставшим. Не злым и не добрым. Просто голосом человека, который сказал то, что считал нужным.

— Я домой хочу, — прошептал мальчик.

Мужчина ничего не ответил.

— Где Олеся?

Тишина.

Мальчик почувствовал, как внутри медленно поднимается что-то горячее и колющее. Не слёзы ещё. Пока только страх, который ищет выход и не находит.

— Вы меня забрали? — спросил он уже громче. — Зачем? Что я сделал?

Мужчина вышел в коридор.

— Подождите!

Он вскочил с кровати и сделал два быстрых шага к двери. Мужчина обернулся. И на этот раз посмотрел прямо на него. Глаза у него были обычные. Серые, чуть усталые. Не пустые. Не безумные. Не злые.

От этого стало хуже. В них не было ни жалости, ни удовольствия, ни даже раздражения. Только спокойное, деловое безразличие.

Так смотрят на вещь, которую нужно оставить на месте до вечера.

— Не шуми, — сказал мужчина.

Потом он прикрыл дверь. Не захлопнул. Не повернул ключ демонстративно. Просто закрыл её мягко, почти осторожно.

Щёлкнула защёлка.

Мальчик подбежал, дёрнул ручку. Дверь не поддалась. Он дёрнул сильнее. Потом ещё. Дерево глухо отозвалось под ладонью.

— Олеся! — крикнул он.

Голос ударился о стены и вернулся к нему слабым, чужим эхом.

— Олеся!

За дверью медленно удалялись тяжёлые шаги. Скрипнула лестница. Раз. Другой. Третий.

Мальчик стоял, прижавшись лбом к холодной двери, и слушал, как человек спускается вниз. Потом шаги стихли.

Матвей

Он пришёл издалека, сквозь тёплую вязкую темноту, где не было ни стен, ни пола, ни собственного тела.

Женский голос.

Молодой — или очень старый, этого Матвей не мог понять. Он звучал мягко, почти ласково, с той особой интонацией, которой разговаривают с ребёнком, когда хотят, чтобы тот перестал бояться.

— Никита...

Имя прозвучало так близко, будто говорившая наклонилась к самому уху.

— Не бойся, мой хороший. Спускайся.

Матвей не видел её. Но чувствовал: она где-то рядом. Не в комнате — глубже. За стеной сна, в той темноте, которая не просто окружала, а смотрела в ответ.

Потом возникло окно.

Сначала — смутное пятно, затянутое ночной влагой. Потом тусклый прямоугольник стекла, щель между шторами, жёлтый свет фонаря на асфальте. Комната была чуждой, но почему-то знакомой в мелочах: раскрытый ноутбук на столе, куча одежды на стуле, стакан с водой у кровати, тёмная дверь в коридор.

Матвей смотрел не своими глазами.

Он был выше? Ниже? Он не мог понять. Всё ощущалось рвано, толчками, будто кто-то листал испорченную плёнку, а между кадрами вырезали целые куски жизни.

Мальчик сидел на кровати.

Никита.

Матвей не знал его имени — ещё не знал, не мог знать, — но голос произнёс его снова, и имя вошло в сон, как ключ в старый замок.

— Давай. Он ждёт.

Никита медленно поднялся. Не как человек, которого разбудили среди ночи и который пытается сообразить, что происходит. Скорее как лунатик: послушно, без лишних движений. Решение уже было принято за него.

Подошёл к окну.

Под фонарём стояла машина.

Старая, тёмная, с провисшим бампером и пятном ржавчины на двери. Свет падал сверху, ломался на грязном капоте. Номера Матвей не видел — буквы и цифры расплывались, стоило попытаться всмотреться. Но он видел другое: водитель не выходил.

Внутри машины кто-то сидел.

Неподвижно.

Ждал.

Никита стоял у окна, положив ладонь на стекло. Матвей чувствовал его страх — не панический, ещё нет. Скорее тонкую, неприятную тревогу, похожую на щекотку в животе перед тем, как тебя вызовут к доске. Мальчик не понимал, почему надо идти. Но голос был добрым. Голос знал его имя. Голос обещал, что всё будет хорошо.

— Он отвезёт тебя домой, — прошептала женщина. — Ты же хочешь домой?

И в этих словах было что-то неправильное.

Не угроза. Не приказ.

Хуже.

Уверенность.

Никита отвернулся от окна. Натянул первую попавшуюся футболку, кое-как просунул ноги в кроссовки. Один шнурок так и остался развязанным, волочился по полу. Он сел за ноутбук, быстро застучал по клавишам.

Матвей попытался прочитать, что тот пишет.

Буквы расплзлись серыми пятнами.

Только одно слово на секунду проступило отчётливо, будто кто-то нарочно поднёс его к глазам:

«Прости...».

Потом Никита взял телефон. Старый, дешёвый, с потёртым корпусом и маленьким экраном. Силиконовые кнопки лоснились от долгого использования. Он сунул его в карман и вышел.

Матвей хотел крикнуть.

Хотел дотянуться, схватить мальчика за плечо, развернуть, заставить очнуться. Сделать хоть что-нибудь.

Но у него не было рук.

Не было голоса.

Только чужое присутствие за спиной, терпеливое и тёплое, как дыхание матери, которая смотрит, как ребёнок наконец делает то, чего она ждёт.

Коридор.

Темнота.

Тихий щелчок входной двери.

И сразу — прохлада ночной улицы.

Никита быстро пересёк двор. Фонарь над машиной мигнул, на мгновение погас, затем загорелся снова. В это короткое мгновение Матвей увидел рядом с машиной нечто ещё.

Тонкую женскую фигуру.

Она стояла у пассажирской двери, неподвижная, в чём-то светлом. Лица не было видно. Только очень бледный овал — и волосы, слишком тёмные для ночи. Да и весь силуэт был невесомым. Прозрачным. Призрачным.

Никита её не заметил.

Он подошёл к задней двери, потянул ручку. Дверь открылась с сухим, неприятным скрипом.

Сел внутрь.

Захлопнул.

Дверь не закрылась.

Он дернул её ещё раз — слабее, растерянно. Снова ничего. Тогда Никита нахмурился, навалился всем телом и хлопнул сильнее.

Металл лязгнул.

Дверь встала на место.

И в этот момент женщина улыбнулась.

Тихо. Довольно.

Матвей почувствовал этот смех не ушами — где-то у себя под языком. Вкус ржавчины стал сильнее. К нему примешалось что-то сладковатое, приторное, как запах старых цветов в комнате, где давно никто не открывал окна.

Машина долго не заводилась.

Водитель повернул ключ.

Раздался сухой скрежет. Потом ещё один. Будто внутри, под капотом, металлические зубья пытались сцепиться друг с другом, но каждый раз срывались.

Никита сидел на полу в грузовом отсеке, прижав телефон к бедру.

Матвей попытался запомнить водителя.

Но между передними сиденьями была только чёрная спина, широкий затылок и рука на руле. Большая рука.

Двигатель наконец схватился.

Машину тряхнуло. Она закашлялась, задрожала всем корпусом, будто старый зверь, которого разбудили среди зимы. Где-то под днищем что-то проскрежетало. Передача включилась не сразу; водитель ругнулся — слов Матвей не разобрал.

А потом машина поехала.

Двор исчез.

Фонари потянулись жёлтыми полосами. Дома стали ниже, реже. Асфальт кончился. Машину затрясло на разбитой дороге, и Никита ударился плечом о борт. За окном качалась темнота: поля, деревья, редкие огни далёких домов.

Сон рвался.

То Матвей видел дорогу изнутри машины, то вдруг — сверху, будто смотрел на неё с высоты. Асфальт. Столбы.

Потом впереди вынырнул знак.

Ржавая табличка на перекошенном столбе.

Буквы почти съедены временем и дождями. Первую часть названия закрывала тень. Матвей успел разглядеть только:

с. С... лючи

Поворот. Пыльная дорога. Церковь?

И вот тогда голос прозвучал снова.

Совсем близко.

Ласково.

С нежностью, от которой Матвею захотелось вырвать себе горло, лишь бы больше её не слышать.

— Вот ты и дома, мой мальчик.

Никита повернул голову вперёд. В сторону кабины.

Посмотрел прямо в темноту за окном.

И улыбнулся.

Глубокий, рваный вдох. Воздуха не было — лёгкие словно засыпало битым стеклом. Матвей не проснулся в привычном смысле этого слова. Он вынырнул. Вырвался из непроглядной, давящей толщи, со скрежетом пробив натянувшуюся плёнку сна — она лопнула, и выпустила его на поверхность мокрым, оглохшим, потерянным.

Он тонул, но не в воде. Его поглотила синева. Стерильная, звенящая синева, и слепящий мертвенный свет, который не давал тепла и не создавал теней. Этот холод прошивал насквозь, въедался в кости, добираясь до тех внутренних, первобытных тайников, о существовании которых сам Матвей ещё не подозревал.

И тогда пришёл вкус. Железистый. Вкус старой, шелушащейся ржавчины и густой, вязкой, солоноватой крови, которую кто-то долго перекачивал во рту, боясь и сглотнуть, и выплюнуть.

Матвей лежал неподвижно, вжимаясь затылком во влажную подушку, и физически осязал этот тяжёлый осадок на корне языка и на нёбе. Язык ворочался во рту, ища прячущуюся рану, — и не находил.

Он совершенно не помнил, что именно видел там, на глубине. Образы рассыпались, ускользали, распадались на отдельные пятна, которые он не мог собрать в единую картинку, сколько ни тянулся к ним из-под тяжёлых век. Но тело помнило всё.

Мышцы — то, как они сжимались в чужом ритме.

Пальцы — как цеплялись за что-то скользкое.

Горло — как судорожно глотало чужое дыхание.

Эти ощущения были не его — принесёнными оттуда, словно грязный снег на подошвах сознания, который тает уже здесь, в его собственной квартире, оставляя пачкающие следы.

Матвей с трудом сглотнул, вглядываясь во мрак своей комнаты. Сон просочился в явь и остался лежать на языке. Он ещё не понимал, что произошло, но спинным мозгом чувствовал — что-то тяжёлое, неизбежное и безмолвное уже подошло вплотную к стенке его реальности. И теперь оно терпеливо, выжидаяще дышало прямо в затылок. Не торопилось. Не собиралось уходить. Просто стояло там, в темноте и дышало в такт его дыханию.

Он сел.

Комната плыла в сером предсмертном мареве. Шкаф. Стул с брошенной на спинку рубашкой. Раскрытый ноутбук на столе с погасшим экраном. Всё привычное. Но воздух казался сильно разряженным. Матвей был несколько раз, с друзьями из институтского прошлого, в горах, и это ощущение было очень похоже на воздух на большой высоте. Только эффект был усилен в разы.

Сидел на кровати, тяжело дыша, и смотрел на свои руки. Свои. Обычные. С заусенцами на пальцах, с пятном от олифы на большом — реставрировал старый крест. Обычные человеческие руки, умеющие обращаться с деревом, писать красивым каллиграфическим почерком, и неплохо справляющиеся с простыми, бытовыми обязанностями. Он сжал их в кулаки. Разжал. Ещё раз сжал — проверял, что они ему повинуются, а не кто-то диктует им из-за его плеча.

Матвей провёл ладонью по лицу. Пальцы дрожали. Кожа под ними — влажная, чужая, будто не его. Он пощупал скулу, подбородок, лоб — как будто проверял, что лицо на месте, что он по-прежнему Матвей. Слишком уж все ощущения были иррациональными и незнакомыми.

Сердце билось где-то в горле, толчками, в странном ритме. Каждое сокращение отдавалось в висках тупой, нарастающей болью — как нудное напоминание, что он жив, что его ещё кто-то держит в этом теле. Он считал удары, не сходя с места, прижимая ладонь к груди, — как будто мог успокоить сердце простым приказом.

В комнате было темно, только слабый свет от уличного фонаря просачивался сквозь щель в шторах, ложился жёлтой полосой на пол. Матвей смотрел на эту полосу и считал про себя: раз, два, три, четыре. На десяти дыхание выровнялось. На пятнадцати пальцы перестали дрожать. Но счёт он не остановил — он просто перестал по нему ориентироваться, уйдя в этот механический ритм, как в молитву.

Он встал. Босиком прошёл на кухню — подошвы липли к прохладному линолеуму, и в тишине было слышно, как ступни каждый раз отклеиваются от пола, с неприятным чавканьем.

Налил воды из-под крана, выпил стоя, глядя в тёмное окно. Стекло было тёплым от дыхания, но за ним — обычный спальный район: редкие фонари, тёмные силуэты машин, мусорный контейнер у подъезда, у которого возилась бездомная кошка.

Но вкус во рту не проходил.словно ржавчины наелся, и старой водой из грязной, проржавевшей бочки пытался смыть противный привкус.

И ещё зуд. В голове. Будто кто-то водит тонкой провололочкой прямо по мозгам — не больно, но навязчиво. Противно.

Матвей опустил стакан и бросил взгляд на светящийся циферблат часов на микроволновке — 06:14. Рано. Нормальные люди в такое время ещё спали мёртвым сном. Но это не про Руса. Руслана по паспорту. Матвей знал, что этот человек с армейских времён встанёт около шести, без будильника, как по щелчку внутреннего тумблера, и что звонок в такое время не удивит его больше, чем пение птиц за окном.

Он нашупал на столе телефон и нажал вызов. Пальцы ещё плохо слушались — промахнулся на первой кнопке, попадая по соседней, пока наконец не попал в нужное имя в списке.

Трубку сняли на втором гудке.

— Рус? — голос Матвея прозвучал сухо, с лёгкой хрипотцой — вода после ночного кошмара сделала всё только хуже. Запорошила горло. — Нужно поговорить.

На том конце помолчали буквально секунду.

— Приезжай.

Раздались короткие гудки. Ни одного лишнего слова — как всегда у Руса. Ровно столько, сколько нужно.

Матвей принял душ под прохладной водой, чтобы хоть как-то смыть остатки липкого сна. Рассыпающиеся струи били в лицо, вода затекала в глаза, щипала — и в этом щипании было что-то настоящее, отвлекающее от того, что сидело под черепом.

Он собрался за пару минут: натянул рванные на коленках джинсы, любимую разношенную футболку с ярким принтом, высокие кеды и выскочил из квартиры в прохладный, пропахший чужой жизнью подъезд.

Он побежал к остановке, надеясь перехватить утреннюю маршрутку. Во дворе кто-то уже выгуливал собаку, дворник угрюмо водил метлой — нормальный, обычный городской ход вещей.

Водительские права Матвей так и не удосужился получить: когда в твоей голове без остановки фонит эфирный шум мест и людей — спокойнее. Отвлечёшься на секунду на чужую боль или крик — и собьёшь кого-нибудь, а вины этой уже не смоешь и не объяснишь. Поэтому трясись в полной едущих людей на работу, утренней маршрутке, отгородившись от мира капюшоном и привычным для него тяжёлым роком в наушниках из любимого CD-плеера, было для него единственным спокойным вариантом. Единственным, при котором чужие голоса какое-то время не лезли в его собственную голову.

Олеся

Олеся ждать не могла и уже к десяти часам сидела в кабинете следователя. Пришлось немного поругаться, но её быстро пустили к нему.

Солнце продолжало давить. И это лишь подстёгивало Олеся.

Капитан сидел за столом, и казалось, что он сам медленно плавится в этой душной, непробиваемой жаре. Форменная рубашка с коротким рукавом, потемневшая от пота подмышками, плотно обтягивала его внушительные плечи, создавая лишь нелепую иллюзию выправки.

Его лицо — серое, с тяжёлыми, обвисшими щеками и глубокими заломами у рта — выглядело оплывшим, как дешёвый воск. Это была маска хронической усталости и многолетней кабинетной духоты, вьёвшейся в поры.

Перед ним стояла кружка с давно остывшим чаем. На желтоватых от налёта стенках запёкся тёмный, неровный ободок, похожий на засохшую кровь. Стол утопал в небрежно сваленных бумагах, потрёпанных бланках и тонких картонных папках со стёртыми, разлохмаченными завязками.

В самом центре этого бумажного хаоса, словно алтарь, красовалась дешёвая пластиковая пепельница, переполненная окурками.

Капитан курил прямо в кабинете, наполняя тесную комнатку сизым, ленивым дымом. Он медленно кружился в стоячем воздухе, закручиваясь в спирали.

Следователь стряхивал пепел не глядя, часто мимо цели. Серые хлопья ложились прямо на края документов, размазывались по столу. В его покрасневших, воспалённых лопнувшими сосудами глазах тускло, почти гипнотически отражался тлеющий огонёк сигареты.

— Сбежал, — констатировал он деревянным, абсолютно плоским голосом, в котором не было ни капли сомнения. Только вязкая, привычная констатация скучного факта.

— Ему пятнадцать, — Олеся стояла перед столом, сжимая ремень сумки так, что ногти впились в ладони до боли. Ей казалось, что если она отпустит ремень, то немедленно упадёт в обморок прямо на этот грязный линолеум.

— Самый возраст. Если не сейчас, то когда? Подружки, гормоны... Наркотики. — Он затянулся, мерзко хлюпнув слюной. — Загуляет, хлебнёт взрослой жизни и вернётся.

— Наркотики? Вы сейчас шутите? Он отличник. Он спортом занимается. Грамоты...

Капитан медленно, тяжело моргнул. Веки опустились и поднялись с заторможенностью старой больной ящерицы.

— Вы не поверите, девушка. Каждый раз одно и то же. «Он не мог. Только не он. Мой мальчик не такой. Он пишет стихи...». А потом мы снимаем этих «не таких» с чердаков с передозом, вытаскиваем из теплотрасс или находим в соседнем городе, с друзьями-придурками, втянувшими его в тёмные делишки. Ну или подружка.

Он дёрнул плечом. Ровно настолько, чтобы показать — он слышит всё, что она говорит, но ему глубоко, фундаментально плевать.

— Приходите завтра. Если за сутки не объявится — примем заявление. Анкету заполним. Фотографию принесёте. У меня у самого сын его возраста. Я понимаю.

Слово «понимаю» прозвучало как изощренное издевательство. Олесе хотелось закричать. Шагнуть вперёд, ударить открытыми ладонями по этому липкому столу, смахнуть кружку с остывшим чаем прямо в его бумажную кучу, заставив капитана вздрогнуть. Объяснить ему, докричаться с кулаками до чего-то живого, человеческого внутри этой потной формы. Вбить ему в голову, что Никита не такой. Что он не мог просто так уйти, оставив стерильное, пугающее сообщение на светящемся экране.

Но она посмотрела в его омертвевшее, заплывшее равнодушием лицо и поняла — бесполезно. Всё было решено заранее. Ещё до того, как она с трудом толкнула тяжёлую, обитую

рванным дерматином дверь в опорный пункт. Ещё до того, как Никита исчез. Капитану не нужен был ею живой, напуганный или попавший в беду брат. Ему нужна была закрытая, пыльная папка с отказным материалом.

Она вышла на облупленное крыльцо отдела. На улице ослепительно, безжалостно светило раскалённое июльское солнце. Горячий ветер, пахнувший асфальтом и выхлопными газами, зло плеснул в лицо пылью. От этой яркой, безмятежной теплоты летнего дня стало почти физически тошно, желчь подступила к горлу — мир смел радоваться, продолжал суетиться и жить, когда внутри неё всё зияло расширяющейся чёрной дырой, поглощающей остатки надежды.

Олеся стояла на выщербленных каменных ступеньках. Смотрела на раскалённый, плавящийся асфальт, от которого поднималось густое, дрожащее марево. Дрожащие, непослушные пальцы извлекли из пачки сигарету. Она попыталась прикурить, но фильтр мгновенно смялся. Щелчком отправила её в сторону ржавой урны. Промахнулась. Белый цилиндрик сиротливо остался лежать на сером бетоне, как и она сама в этот момент.

Нужно ехать домой. Вдруг он вернулся. Вдруг этот уставший от жизни, человек в прокуренной форме оказался прав, и сейчас Никита сидит на кухне и пьёт чай...

Однако чуда не произошло. И ночной кошмар ожидания оказался хуже дневного пекла. Квартира давила своей гулкой, звенящей пустотой. Каждый звук — скрип половицы в коридоре, шум лифта за стеной, гудение холодильника — заставлял Олесю вздрагивать. Она не спала ни секунды. Сидела на его разобранной кровати, вдыхая слабый запах его дезодоранта.

Матвей и Руслан

Дверь была не заперта. Ждал.

У Руслана пахло так, как и положено квартире уважающего себя неженатого мужчины — ядрёным дезодорантом, лосьоном после бритья, свежим растворимым кофе и чем-то ещё. Зная Руслана не первый год, Матвей сразу предположил, что это канифоль. Не совсем обычный запах. Тем более в шесть утра.

Наверняка ещё перед тем, как заснуть, что-то придумал. А как только встал — сразу к столу. И Матвей бы не удивился, если бы узнал, что Рус встал специально раньше обычного, чтобы утром успеть сделать то, что он придумал вечером.

Кухня, а именно она выполняла роль мастерской в маленькой квартирке, больше напоминала склад вещдоков, который маниакально убрали перед проверкой. Идеальная чистота. Ни пылинки. На столе, выровненные по невидимой линейке, лежали камни, кусок ржавой колючей проволоки, тусклые минералы и два армейских ножа. Рядом, на небольшой подставке — приبلуды для пайки: паяльник с чуть дымящимся жалом и баночка той самой канифоли. Всё на своих местах.

Руслан сидел над всем этим, замерев. Внимательно высматривал, правильно ли запааян стык деталей. Он был из тех, кто не суетится или распыляет своё внимание: собрался работать — работай, отдыхаешь — отдыхай. По кухне гуляло только его ровное дыхание да лёгкое шипение паяльника. Матвей даже на мгновение почувствовал себя лишним — как будто в магазине зашёл в служебное помещение, где всё жило своей, чужой, отлаженной жизнью.

— Это точно стоящее дело, — выдохнул Матвей с порога, не тратя время на приветствия. Вход на кухню был ровно напротив крошечного коридора. Он на ходу стянул кроссовки, чтобы не наследить на идеально чистом полу, и прошёл в комнату. Зуд в висках не прекращался, пульсируя в такт сердцебиению. — Я тут подумал, пока ехал. Мы слишком мелко плаваем, Рус. У меня кое-что приключилось. Может, пора нам уже настоящее дело взять?

Матвей сразу решил зайти с козырей, хотя и знал, что такая тактика не поможет переубедить друга, если тот найдёт идею сомнительной. Собственно — никакая тактика не будет успешной. Кроме единственной. Сказать правду. Выложить свои мотивы как на духу. Но Матвей по дороге уже успел разгореться этой затеей и себя плохо контролировал. Он ехал минут двадцать, и чем сильнее приближался к дому Руслана, тем громче внутри гудела эта дурная уверенность: «вот оно, вот наконец настоящее». Теперь она выплёскивалась через край, обгоняя здравый смысл.

Руслан даже не вздрогнул. Он аккуратно положил паяльник на металлическую подставку — в воздух поднялась тонкая сизая струйка дыма от канифоли — и только потом посмотрел на Матвея. Медленно перенёс внимание с вещи на человека, будто переключал прицел. Сначала изучил лицо, потом плечи, потом то, как вошедший держит руки.

— Выдохни, — спокойно сказал он. — Ты врываешься ко мне...

Тут он деловито посмотрел на наручные командирские часы и, вернув взгляд Матвею, продолжил:

— Семи даже нет. И предлагаешь какое-то дело. Что за ночь могло измениться? Познакомился с кем-то? Покажи зрачки.

Матвея на секунду захлестнуло. Руки потянулись к вискам сами, будто шум там можно было успокоить ладонями.

— Да пошёл ты. Я... Всё со мной нормально. Рус, даже оскорбительно немного. Не ожидал. Ты же знаешь, что я в завязке уже давно.

— Не хотел тебя оскорбить. — Голос Руслана был ровным, без оправданий и укоров, как приказ, которому не требуются извинения. — Но видок у тебя странный. А речь путанная.

— Ладно, проехали. Сон мне приснился. Я тебе по телефону ничего не сказал, но... я не могу его забыть, Рус. И это не просто издержки моего дара. Он въелся. Я чувствую его теперь постоянно, каждую секунду.

Матвей нервно потёр виски, словно пытался выковырять из-под черепа назойливый шум. Он обошёл стол, стараясь не задеть аккуратно разложенные ножи и минералы. Пальцы сами потянулись было к одному из камней — ровному, тёмному, холодному, — и тут же отдёрнулись: трогать чужой порядок без спроса было нельзя. Это почти табу, и он знал это столько же, сколько знал самого Руслана.

— Этот зуд не проходит, понимаешь? — голос Матвея предательски дрогнул, срываясь на хрип. — Я себе башку вскрою скоро, если это не прекратится! Там такая плотность... Я с таким ещё не сталкивался. Оно фонит так, что у меня зубы сводит. Если и есть шанс доказать самим себе, что из нас выйдет толк — то это оно.

Руслан смерил его долгим, оценивающим взглядом. В его глазах не было ни паники, ни сочувствия — только холодный анализ состояния напарника, как у механика, который не злится на сломавшийся двигатель, а просто прикидывает, с какой гайки начать. Он скрестил руки на груди.

— Так, — ровным, командирским тоном произнёс Руслан. Ситуация требовала системы. — Давай по порядку. Без истерик и метафор. Что конкретно за сон? Откуда фонит? И куда ты собрался лезть со своей перегретой башкой? Садись. Рассказывай.

Матвей тяжело опустился на табурет, послушно подчиняясь старшему товарищу. Он с силой потёр лицо обеими руками, словно пытаясь физически стереть напряжение. Даже сидя, он не мог успокоиться: колено мелко дрожало, пальцы бегали по краю столешницы, как будто искали, за что зацепиться.

— Темнота, — начал он, чуть сбавив громкость, хотя голос всё равно дрожал от внутреннего напряжения. — Какая-то комната. Мальчик. Подросток. Лет... Тринадцать. Пятнадцать... Шестнадцать? Не суть. Голос. Женский. Ласковый...

Матвея при этих словах передёрнуло. Голос из воспоминания опять царапнул мозг. Как электродом. Задействуя ту долю, что отвечает за тошноту. За чувство омерзения. Пальцы ненадолго сдались, оставив небольшую борозду на джинсах.

Руслан внимательно следил за другом. Фиксировал не только слова, но и то, насколько для Матвея эти слова были важны.

— Продолжай.

— Да. Да. Голос. Она звала его как сына что ли...

— Имя? Называла?

— Имя? Ни... Никита... Да. Никита.

— Дальше.

— Да. Он был у себя в комнате. Она сказала, что его уже кто-то ждёт. «Он ждёт» она сказала. Он одел... Нет. К окну подошёл. Там УАЗик старый стоял. Длинный такой, квадратный...

— Пенал?

— Да! Пенал. Мы его буханкой, правда, называли. В детстве...

— Номера видел?

— Нет. Далеко было. Этаж, наверное, пятый. Хотя стоял он прямо под фонарём. Как специально...

— Раз ждал, то, конечно, специально.

— Ну да... Тоже, верно.

— Дальше?

— А что дальше... Оделся. Вышел. Сел в машину. Сзади. В кузов. Стой. Он перед тем, как выйти из дома на ноуте что-то написал. На ноуте! Не компе. Хотя и это странновато. Так-то не богато комната выглядела... Я столько себе копил на ноут. Хотя этот разбитый весь...

— Не отвлекайся, пожалуйста. Сел в машину.

— Да. Сел. В кузов.

На этот моменте Матвей обратил внимание, что Руслан делает себе какие-то пометки в ежедневник.

Руслан тоже заметил его взгляд. Улыбнулся обнадеживающе.

— Продолжай.

— Дом обычный. Панелька. Простой район. Как твой. Как мой. Может и правда мой...

— Может. Но пока не будем строить догадок. Что-то ещё помнишь?

— Да. Но район я не узнал. Улицу почти не было видно. Фонари мелькали. Вывески. Но, ничего знакомого. Кроме, собственного одного.

— Чего?

— Пост гайцов на выезде.

— Наш?

— Да, на Лаврентьева, который.

— Точно он? В целом они типовые.

— Точно он. Помнишь тебя остановили год назад? Или два? Не суть. Там фонарь один в сторону смотрел. Вот так и смотрел. Да и в целом я его узнал. Пост.

— Не остановили?

— Нет. Я бы с этого начал, — Матвей улыбнулся. Плечи немного опустились, он вздохнул глубоко, и продолжил. — ехали они. Тут я стал выпадать будто. То ли мальчика укачало, а я был привязан к нему. К его сознанию. Не могу сказать. Сколько ехали в смысле. Потом повернули. У знака. Не разглядел полностью. Типа — «Ст... ючи»... Как-то так.

— Хорошо. Запомним. Дальше?

— Да. Поехали дальше. Но там уже будто по грунтовке. Пыль сзади столбом. Поля. Какая-то роща что ли... Белый забор... Длинный. Что-то относительно новое. Типа из листового железа этого, полосатого...

— Профнастил?

— Блин. Рус. Я откуда бы это знал? Не знаю. Железо. Выпукло-впуклое.

И засмеялся, глядя на улыбающееся лицо друга.

— Такие вопросы задаёшь. Это ты у нас всё обо всём знаешь. Я профан в таких делах.

— Хорошо. Что-то ещё вспомнишь?

— ДА. Церковь. Я почти уверен, что она там была. На въезде в деревню. И всё. Она его поприветствовала, как родного. И всё. Тут я проснулся. Если можно так сказать.

— А что? Что-то не так с пробуждением было?

— Да я как из воды вынырнул. Жуть какая-то. Сам сон то в целом не страшный. По сути. Но ощущения были настолько мерзевшие. Такие стрёмные. Я будто и я и не я был. И слышу, и вижу. Но сделать ничего не могу. Похоже мальчуган этот так же себя чувствовал. Как марионетка.

Матвей поднял глаза на напарника.

— Оно смотрело на него. Не глазами, понимаешь? А всем этим долбаным миром. Меня чуть наизнанку не вывернуло прямо во сне. И это не просто ночной кошмар. Оно застряло прямо здесь. В моей голове. Как радиостанция, которая вещает на мёртвой частоте. Я слышу этот холод фоном прямо сейчас. Это точно дух какой-то злобный. Представляешь? Это не та барабашка в прошлом году, или проклятие. Это... вообще другой уровень. Что-то огромное.

Руслан медленно поднял глаза.

— Чем это нам поможет? Даже если там есть этот дух, и мы его изгоним. Что это нам даст?

— Опишем на сайте. Новый уровень.

— Ты и так клепаешь эти байки пачками. Но мы и близко к таким местам не подходили. Да и ехать куда-то, возможно рисковать здоровьем, ради десятка, как ты их называешь? Фоловеров? По меньшей мере глупо.

— Тут другое! — Матвей шагнул к столу. — Мы опыт наберём. Может, ты найдёшь там свои... штуковины. Призраки просто так к камням не привязываются. Найдёшь предмет — продашь или скопируешь энергию. Да просто интересно же! Четыре года, Рус. Четыре года мы вместе. И за это время — одиндохлый призрак и мелкая барабашка. Которую мы вообще не поняли. Что это было-то...

— Это было локальное проявление силы, — голос Руслана стал жёстче. — Не обесценивай это. И наш труд.

— Ладно, ладно! — Матвей вскинул руки в примиряющем жесте.

Руслан вдруг едва заметно поморщился, словно от резкой зубной боли, и поспешно отвёл взгляд. Матвей опустил руки. Вспомнил, как друг относится к подобным проявлениям. Военное прошлое не отпускает никогда.

— Извини... — тихо сказал Матвей. — Но я считаю, мы должны разведать.

Руслан вздохнул. Тяжело, устало, так, что плечи на секунду опустились, и в этой усталости мелькнуло что-то, чего Матвей прежде не замечал: не усталость от разговора, а усталость от того, что его снова зовут в ту же дверь, которую он сам, кажется, не очень любил открывать. Но выбора не было.

— Ладно. Ты не отстанешь.

— Я чувствую, что это где-то недалеко. Оно зудит. Уже не как шум. Оно чешется внутри мозгов. Как ток. Я с ума схожу.

— Таблетки?

— Не берут.

— Что ж ты молчал. — Руслан сгрёб сдвинутые камни в коробку. Жест был почти машинный: прощальный шорох по столу, вещи на свои места, порядок восстановлен. — Ладно, избавим тебя от этого. Но делать всё будем по уму. По порядку. Попробуй просканировать округу. Поймай направление. Потом — в сеть. Рой всё в радиусе ста километров. Байки, легенды, истории любого рода, что могут показаться странными. Наноси на карту. Начни с похожих названий, как ты видел — «С... ючи». Тут город, помнишь? Ключи? Может рядом? Лагерь. Промбаза. Деревушка.

— А ты? — Матвей с облегчением выдохнул.

— А я посплю.

Матвей нервно хохотнул. Смешок вышел сдавленный, на остатках нервного напряжения, но смех был настоящий.

— Ну а серьёзно?

— Позвоню кое-кому. Узнаю про странности в нашей области.

— Кому?

— Старому приятелю. Армейскому. Он сейчас в органах, капитан. Но придётся встречаться лично. Протокол.

— Нажрётесь?

— Как свиньи, — абсолютно серьёзно кивнул Руслан. — Без этого никак. Мы через многое вместе прошли. Так что ты обрекаешь меня на мучения, Матвей. Завтра меня не ищи. Сам наберу.

Матвей, поняв задачу и точно зная, что товарищ больше ничего не добавит, засобиравшись домой. Он уже натягивал кроссовки у двери, когда в голове снова кольнуло тем холодом из сна, и он на несколько секунд замер, придержав дыхание. Снаружи, за занавеской, разгорался новый день, и этот свет на секунду показался почти неземным. Потом Матвей встряхнулся, взял свои вещи и вышел, оставив Руслана наводить порядок в своей кухне-крепости.

Лёшка и Димка

Двое вышли из дома в начале двенадцатого. Чуть раньше — вроде как день. Чуть позже — уже совсем чужое время. Они выбрали пограничное, безопасное на их взгляд.

Одного звали Алексей, он же Лёшка для своих, второго — Димка, или как его звал только его друг — Димыч.

В деревне их все знали как тех, кто суёт нос в такие места, от которых даже старые деревенские псы нос воротят. Не со зла — с голоду.

Голод бывает разный. Иногда не хватает хлеба. А иногда — воздуха. И внутри такая глухая, круглая пустота, что хочется засунуть туда всё: ночь, крики, чужие истории, запретные места. Лезть в дыру, лишь бы чем-то заткнуть затягивающую воронку внутри, пока она не взяла над тобой верх.

В Старых Ключах с этим был... порядок. Пустота редко оставалась соответствующей своему названию. Вопрос был лишь в том, что именно в неё просочится.

Сегодня у пустоты была конкретная цель — озеро.

Про него в деревне говорили шёпотом и за глаза, как говорят о болезни, которую боишься назвать вслух. Что оно слишком глубокое. Что дна у него нет. Что вода в нём ничего не отражает, и поглощает любой свет. Что, если смотреть в него долго, оно начнёт смотреть в ответ. Старики крестились, вспоминая про «Синеву», что таится в самых тёмных её глубинах. Дети не допускались не то, что к озеру, но даже и на поляну в роще. Как и к самой роще. Даже животные, говорят, близко к ней не приближались.

Друзьям было скучно. Время спать, но их родители собрались вместе на какую-то гулянку. С ночёвкой. И дети должны были спать в дальней комнате вместе. И за ними никто не присматривал. Сказали же — спать идти. Значит спят. Зачем волноваться.

И тут Лёшка сказал: пойдём посмотрим. Ночью. На спор. У него так бывало — чем страшней, тем сильнее тянуло. Страх превращался в дрожь, и потом приходил азарт. Димыч плёлся следом в основном потому, что не хотел оставлять друга одного. И отчасти — потому что внутри у него тоже жила эта проклятая пустота, которой нужно было чем-нибудь себя заткнуть. А в глухой деревне, в которой они жили выбор был не богатый. Старая приставка к чёрно-белому телевизору, да солдатики, которых они уже переросли. Во всяком случае ребята так предпочитали думать.

Луна висела полная, нездоровая, ненормально яркая. Как набухший гнойник на чёрном теле неба. Белый свет. Не мягкий, не серебристый, а мертвенно-больничный — стекал по крышам домов, цеплялся за шифер, за гвозди, за антенны, застревал в голых ветвях берёз, да яблонь, как белые лоскуты марли. По дороге он растекался мягкой вуалью, как саваном накрывая притаившуюся в нём землю.

Этот лунный свет не разгонял тьму. Он её очерчивал. Создавал контраст. Делал её более выпуклой, объёмной. Выталкивал наружу, загоняя в щели, под кусты, в промежутки между домами. Делал её гуще, плотнее.

Тени сгустились до консистенции старого дёгтя. Они не лежали — они стояли. Виляли краями, подрагивали на границе зрения, медленно, с ленцой, дышали.

Деревня лежала как мёртвая. Это слово лучше всего описывало состояние и места и её жителей. Дома стояли, в большинстве из них горел свет — жёлтый, настороженный. При чём даже на ночь его старались не выключать. Жители не могли объяснить своего страха перед темнотой ночи. Страх был иррациональным. Никто уже и не помнил, с каких пор он стал частью их жизни.

А вот самой жизни по ночам почти не было. Даже шумные гулянки были только до наступления темноты. А дальше — сидите тихо, чтобы не призвать лихого. Ни голосов, ни кри-

ков, ни музыки, ни смеха, ни собачьего лая. Хотя собак здесь не было и вовсе. Не приживались они здесь. То задушенной найдут, то только цепь оборванную. И со временем их просто перестали заводить. Остальная живность была в безопасности. Даже лисы не приходили кур таскать.

Все словно боялись подать звук, забившись в щели и настороженно ожидая рассвета. Одни сверчки без умолку вели свою партию ночного оркестра.

Где-то внутри одного из домов, за тонкой, грязной тюлевой занавеской, кто-то кашлянул. Сухо, коротко, резко — будто поперхнулся куском собственного горла и тут же испугался звука. Звук не разогнал тишину. Он даже не тронул её. Он просто провалился внутрь, утонул в ней, как камень в болоте, лишь подняв на секунду вонючие пузыри.

— Темно, — сказал Лёшка. Слишком громко. Будто проверяя, работает ли ещё его голос.

— Ага. Может вернёмся пока не поздно?

— Зассал? Я так и знал, — с вызовом сказал Лёшка, но по мелкой дрожи, бьющей всё его тело, было видно, что сам он боится не меньше, если не больше своего друга.

— Я не зассал. Но глупо идти туда ночью одним. Сам же помнишь, что рассказывали старики.

— Да что они знают. Сказок навывдумывали, чтобы мы в лес не ходили. А там страшнее белок поди и нет ничего.

— Ну не знаю... Мне не кажется, что они врут.

Димыч шёл на полшага позади, втянув голову в капюшон так, что край тени от него шёл почти по переносице. В кармане куртки лежал крестик — бабкин, медный, затёртый до живого блеска. Он сжимал его в кулаке так, что металл врезался в кожу до стонущей боли. Но не доставал. Если достанешь — значит, признался, что боишься. А он не боялся. Так он себе говорил. С каждым шагом. Как заклинание. Которое не работает. К тому же боль отрезвляла. Напоминала о том, что ещё жив.

Справа потянулись пустые дома. Окна забиты фанерой — кривой, вспухшей от дождя, со следами старых ударов. Или чёрные, сырые провалы без стёкол, запорошённые временем.

Димке казалось, дома держатся на месте только потому, что на них смотрят. Отвернёшься — и они медленно, беззвучно оседают, проваливаются вниз, в податливую, подгнившую землю. А на их месте остаётся ровная чёрная яма. Или просто земля — гладкая, маслянистая, жирная, будто её долго, терпеливо поливали чем-то тёплым и густым.

Где-то далеко, со стороны дороги, за пределами деревни, треснула ветка. Звук прокатился по тишине — резкий, неприятный, как треск сухого сустава, который выкручивают в обратную сторону до конца, пока он не сломается.

— Слышал? — Димыч остановился, будто наткнулся на невидимую стену.

— Ветка.

— Ага. Но до посадки далековато. А в поле откуда ветки?

— Да мало ли. Обронил кто...

Они постояли, вслушиваясь. Тишина была не просто тишиной. Она была плотной, как грязная вата, которой забивают рот в морге. Но под этим слоем что-то вибрировало. Тонко, неуловимо. Сквозь неё пробивалось другое. Не звуки — что-то глубже. Вибрация в костях, в зубах. Тихий, ровный гул где-то в затылке, ниже порога слышимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.